

PECULIARITIES OF CRIMEAN TATAR IDENTITY FORMATION IN THE CONTEXT OF MODERN PROBLEMS

Elena V. Khlyshcheva

Astrakhan Tatishchev State University

Astrakhan, Russia

E-mail: culture_mar@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6586-019X>

Lenara R. Sultieva

Astrakhan Tatishchev State University

Astrakhan, Russia

E-mail: lenara03.00@mail.ru

ABSTRACT

The Author The article explores the process of constructing ethnic identity of Crimean Tatars. The phenomenon of historical memory within the framework of cultural self-identification is analysed. The key emphasis is made on the most important periods of the formation of the Crimean Tatar ethnic identity, the factors that had a special influence on the peculiarities of the formation of the Crimean Tatar mentality and self-identification of both older generations and young representatives of the Crimean Tatar people are identified. The authors conclude that there are complicating problems in the process of identity formation in the form of deportation, displacement of the Crimean Tatar language, as well as differences in views on Islamisation between generations. Three major stages of Crimean Tatar identity formation are analysed and special attention is paid to the current stage of embedding the ethnic and regional identity of the Crimean Tatar ethnos in the space of all-Russian civic identity.

This article continues the research on the problem of constructing national identity in the post-Soviet space.

KEYWORDS

Ethnic identification; Crimean Tatars; deportation; repatriation; historical memory; cultural heritage; all-Russian civic identity.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ КРЫМСКИХ ТАТАР В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ

Хлыщева Елена Владиславовна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Астрахань, Россия

Email: culture_mar@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6586-019X>

Султыева Ленара Ринатовна

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Астрахань, Россия

E-mail: lenara03.00@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется процесс конструирования этнической идентичности крымских татар. Анализируется феномен исторической памяти в рамках культурной самоидентификации. Ключевой акцент сделан на важнейшие периоды формирования идентичности крымско-татарского этноса, выявлены факторы, оказавшие особое влияние на особенности формирования менталитета крымских татар и самоидентификации как старших поколений, так и молодых представителей крымскотатарского народа. В рамках исследования авторы приходят к выводу о наличии осложняющих проблем в процессе формирования идентичности в виде депортации, вытеснения крымско-татарского языка, а также различия во взглядах на исламизацию между поколениями. Анализируются три важнейших этапа формирования идентичности крымских татар и особое внимание уделяется современному этапу встраивания этнической и региональной идентичности крымско-татарского этноса в пространство общероссийской гражданской идентичности.

Представленная статья продолжает исследования по проблеме конструирования национальной идентичности на постсоветском пространстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

этническая идентификация; крымские татары; депортация; репатриация; историческая память; культурное наследие; общероссийская гражданская идентичность.

ВВЕДЕНИЕ

История становления и развития различных народов демонстрирует важность наличия у каждой этногруппы центральной идеи, отражающей цель и стратегию, основанных на культурных ценностях. Последние проявляются в мировоззренческой картине мира, традициях, нормах морали, принципах поведения и основах взаимоотношений с другими народами. Национальная (этническая) идея представляет собой комплекс смыслов, объясняющих существование определенной нации (этноса) в прошлом, настоящем и в ближайшем будущем. Объединяющим фактором становятся представления о единстве, общности нации (этноса) и приоритета ее интересов во всех сферах общественной жизни. Это форма национального (этнического) самосознания и одновременно процесс самопознания и развития национально-культурной самобытности.

Таким образом, национальная (этническая) идея выступает фундаментом для определения сообществом своих социально-культурных ориентиров. Важным фактором в данном случае является то, что для появления национальной (этнической) идеи должна существовать определенная этническая общность, которая «способна сформировать подобную идеологию только на основе собственной этнокультурной идентичности, выраженной, прежде всего, в общности языка и культуры» (Аллахвердиев, 2015, с. 40).

Именно культура является связующим звеном в процессе формирования идентичности, поскольку нельзя представить себе человека вне определенной социокультурной общности, как и нельзя представить культуру, не являющуюся порождением той или иной общности. По мнению Г.Г. Шпета, «этническая идентичность воплощена в форме культурной традиции и обращена в прошлое. Главным фактором данной формы является чувство принадлежности, которое основано на ее наличии, переживаемое индивидуумом и подтвержденное со стороны окружающих» (Шпет, 1996, с. 154).

Исходя из этого, любая идентичность, в том числе этническая, по своей природе исторична и тесно взаимосвязана с такими факторами, как этнические традиции и коллективная память. Согласно Э. Смит, исторический компонент этнической идентичности обладает так называемыми «ядрами исторических фактов, которые со временем в сознании этногруппы обрастают определенными искажениями, преувеличениями и некоторой долей идеализации, что в совокупности образуют особый рассказ о героическом прошлом конкретного этноса, отвечающий потребностям этой этнической группы» (Смит, 2004, с.126).

РОЛЬ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В КОНСТРУИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В представленном исследовании феномен «исторической памяти» рассматривается как «некая форма коллективной памяти, хранящая в себе знание о ключевых событиях и фигурах, образах прошлого конкретной этнической группы

для сохранения и передачи данной информации будущим поколениям» (Смит, 2004, с. 176). Любое общество для своего существования и создания общей идентичности нуждается в сигнификатах, которые нацелены на формирование общей культурной памяти, создающей совместное сакральное прошлое (нередко коллективно воображаемое). Поэтому коллективная память постоянно вносит коррективы и дополнения в исторические факты, конструируя необходимую этническую идентичность. Такая историческая информация о прошлом «далеко не всегда содержит в себе объективную, фактологическую информацию, а зачастую дополняется вымышленными деталями» (Протасеня, 2016, с.176).

Кроме того, в коллективные воспоминания вплетены личные истории множества представителей этой этнической группы. Немецкий социолог Харальд Вельцер считал, что, воспоминания о ключевых событиях определенного сообщества «формируются из разных источников и могут подвергаться изменениям в процессе пересказа, но их главная особенность – это сохранение эмоциональной значимости этих событий для данной этнической группы» (Вельцер, 2005, с.60). Особенно значимо, если изменения в коллективную память вносятся на фоне современных процессов, когда смещаются акценты и ценностные характеристики исторических событий, а некоторые из них начинают просто игнорироваться. Более того, «само значение этих событий в контексте культурно-исторического прошлого народа может гиперболизироваться, либо пересматриваться, исходя из их актуальности для современности» (Тощенко, 2000, с. 9).

Культурная память не является сиюминутным продуктом, Она накапливается веками. фиксируют определенные явления и объекты в народной памяти. Определенные события получают статус «поворотных моментов истории», с которых начинается новая эпоха и происходит полный разрыв с прошлым. Тогда мы говорим о процессе «забвения», который является оборотной стороной cultural memory. В ходе процесса забвения конструируется новый набор воспоминаний, необходимый для данной эпохи. Таким поворотным моментом у крымско-татарского этноса сегодня считается депортация 1944 года и возвращение на историческую родину в 90х годах XX века.

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО ЭТНОСА

Объектом нашего исследования является крымско-татарский этнос, который долгое время не имел территориальной однородности. Можно разделить данный большой этнос на 3 группы: крымские татары, проживающие на территории Турецкой Республики; крымские татары, проживающие на территории России, а также крымские татары и их потомки, вернувшиеся после депортации 1944 года на постоянное место жительства в Крым. Особый интерес для исследования вызывает группа, проживающая на полуострове Крым.

На конструирование современной идентичности татарского населения Крыма большое влияние оказала память о депортации 1944 года, что отразилось в

исторической памяти и запечатлелось в культурном наследии тяжелым сюжетом для всех поколений представленной этнической группы. Репатриация крымско-татарского народа на историческую родину стало началом процесса восстановления собственной этнической идентичности через культурные практики прошлого и настоящего.

Этот процесс можно условно разделить на три этапа, первый из которых связан с деятельностью общественного и политического активиста, педагога и издателя Исмаила Гаспринского, главным достижением которого было создание и широкое распространение системы светского школьного образования для крымско-татарских детей. Сочинения этого деятеля были главным источником информации о формировании этнического самосознания местной интеллигенции. Кроме того, именно Исмаила Гаспринского принято считать создателем крымско-татарского литературного языка. Фактически, он взял на себя «миссию возрождения исторического крымско-татарского культурного наследия, одновременно с этим формируя крымско-татарскую интеллигенцию тех лет» (Кульпин, 2013, с. 86).

Немаловажно, что процесс самоидентификации крымско-татарской элиты протекал под сильным влиянием российской исторической традиции. Например, работа «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения» (Гаспринский, 1881) содержит в себе ключевую идею – русское мусульманство является помощником в решении крымско-татарского кризиса. Гаспринский говорит о России, как о христианско-мусульманской стране и подчеркивает, что в составе российского государства турки-мусульмане имеют больше возможностей для собственной реализации и возрождения своего величия, чем где-либо еще. И первым шагом к этому должна была стать, по его мнению, реформа дошкольного образования.

Гаспринский практически ставит знак равенства между всеми мусульманскими народами тогдашней России, используя наименование «крымский» лишь в качестве регионального определителя. Это свидетельствует о том, что в данный период непосредственно крымско-татарская идентичность еще не сформировалась, а сам крымско-татарский этнос находился на стадии объединения разных этнических групп, с общим идентификатором в виде мусульманской религии.

Исторически крымско-татарская идентичность формировалась под влиянием различных мифов или символов российской культурной традиции. Например, символом общего прошлого становится Куликовская битва, по мнению Гаспринского, являющаяся «объединительным фактором русских с татарами» (Гаспринский, 2017). Такое утверждение достаточно спорно, но, несмотря на своеобразный взгляд на историю, Гаспринский все же создал фундамент для возрождения и объединения всего тюркского народа, в том числе основы самоидентификации крымско-татарского этноса.

Второй этап формирования этнической идентификации крымских татар пришелся на советский период. После краха царской империи крымско-татарский этнос получил автономию, а советская национальная политика, объединяющая

народы, способствовала исчезновению «географических, лингвистических и этнических различий, которые на полуострове издавна разделяли несколько крымско-татарских субэтносов» (Сейтхалилова, 2019, с. 20). Так, в течение 1920–1930-х годов в СССР была создана практически однородная крымско-татарская общность.

Большую роль в этом сыграло изменение системы образования. Прежняя - обучение мальчиков при мечетях, а девочек дома мамой – ушла в прошлое. Стало доминировать светское образование. Кроме этого, значительные изменения произошли в крымско-татарской письменности. Привычный для старшего поколения арабский алфавит был заменен на латиницу для повсеместного использования. В целом, трансформация письменности стала существенным фактором в разрыве новых поколений от традиционных письменных наследий. Дальнейшее решение об использовании кириллицы в письменном языке крымско-татарского этноса еще больше увеличило разрыв между «многовековым культурным наследием и новыми поколениями крымских татар» (Williams, 2001, p. 292). Происходившие процессы привели к возможности равноправного существования всех советских народов, а значит и крымско-татарский этнос получил право на сохранение аутентичных особенностей своей культуры.

Однако, ситуация кардинально изменилась в период Великой Отечественной войны. 18 мая 1944 г. крымско-татарское население подверглось депортации в другие регионы Советского Союза, главным образом в Среднюю Азию. Официальным объяснением депортации было обвинение «в сотрудничестве с врагом» (Постановление ГКО, 1944).

В течение нескольких десятилетий представители данного этноса были оторваны от Крымского полуострова. После снятия режима спецпоселений в 1956 г. наиболее активные представители крымских татар начинают бороться за право возвращения в Крым. Это сплотило депортированных, обострив чувство их этнической принадлежности. Продолжение этой борьбы привело к созданию в 1980-х гг. общественных организаций, целью деятельности которых было «возвращение крымских татар в Крым. Этническая составляющая этих организаций подчеркивалась уже в их названиях: «Национальное движение крымских татар», «Организация крымско-татарского национального движения» (Червонная, 1997, с. 18).

После массового возвращения в 1990-х гг. в Крым крымские татары (в основном, представители интеллигенции) помимо решения бытовых вопросов, связанных с выделением земли под поселки и обустройством быта, особое внимание уделили возрождению национальной крымско-татарской культуры и тем самым подтверждению этнического своеобразия своего народа» (Сластникова, 2019, с. 262).

Депортация повлияла на процесс идентификации крымских татар. Как минимум два поколения крымских татар родились вне Крыма, и их представления об этом регионе складывались «на основе рассказов родителей, бабушек и дедушек, подвергшихся принудительному переселению» (Сластникова, 2019, с. 266). Тем не

менее, значительная часть крымско-татарских репатриантов, родившихся вне Крыма, продолжали воспринимать себя как коренных жителей полуострова, а Крымский полуостров в качестве «родной земли» (Сластникова, 2019, с. 267).

Немаловажным фактором становится забывание родного языка вследствие того, что новые поколения учились в школах, где преподавание велось исключительно на русском языке. Постепенно именно русский язык становится родным для многих поколений крымских татар (Кульпин, 2013, с. 90). При этом, рассказы старшего поколения о далекой родине становятся «ключевым культурным мостиком между поколениями крымских татар» (Williams, 2002, р. 330), несмотря на существующий разрыв между поколениями и большие пробелы в коллективной памяти между «депортированными» и «выросшими в депортации».

Желание сохранить свои этнические ценности привело к «усилению этнокультурного национализма» (Бекирова, 2008, с. 279). Особенно наглядно эта тенденция проявлялась в литературе. Например, многие крымско-татарские писатели занимались «переводом разных произведений с русского и узбекского на крымско-татарский и обратно с целью сохранения и популяризации уникального родного языка» (Fisher, 1978, р. 178). Кроме того, центральной темой большинства литературных произведений становится именно период депортации и связанные с ним трудности. Такие произведения не печатались официально и «просто передавались в рукописном виде» (Юнусова, 2002, с. 300-304). Отличительной чертой таких произведений становился сюжет о депортации и воспевание памяти об утраченной родине. Эта ностальгия по утраченному легла в основу формирующейся этнической идентичности крымских татар данного периода.

Третьим этапом в процессе формирования этнической идентичности крымских татар стало возвращение на Родину. Быстро обнаружилось, что большая часть культурной памяти утрачена, пострадало культурное наследие, а также исчезало знание родного языка. Поэтому третий этап знаменуется «стремлением восстановить культурную самобытность» (Кульпин, 2013, с. 331).

Акцент был сделан на воспроизводство этнического самопознания посредством знакомства с различными мифами, символами, которые сохранились в культурной памяти депортированного народа и были рекультивированы после репатриации. По сути, мифологема депортации стала базовым сюжетом исторической памяти этноса и системообразующим фактором конструирования современной крымско-татарской этнической идентичности. Важно отметить, что многие нарративы связаны с 18 мая, датой депортации крымских татар (Белялова, 2013).

В период депортации ключевым мифологическим сюжетом культурной памяти было возвращение в Крым. После репатриации данный миф трансформировался в своеобразную одержимость родиной, которая прослеживалась в стремлении возвратиться именно на те земли, которые ранее заселяли их предки. После переселения, данный миф потерял свою актуальность и перед этносом встала необходимость создания нового мифологического драйвера культурной самоидентификации крымских татар.

ПРОБЛЕМЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО ЭТНОСА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Современный этап развития наглядно выявляет общую тенденцию, характерную для постсоветских республик - «конструирование новой идентичности на базе обращения к древней истории и мифологии своего народа» (Хлыщева, 2023, с. 213). Не избежали этого и крымские татары, у которых особую популярность получает исторический миф о происхождении Крымского ханства. В первую очередь, это связано с тем, что в Крыму существует большое количество памятных мест того времени, которые превратились в общекрымские достопримечательности. С другой стороны, этот нарратив позволяет крымским татарам в своей самоидентификации претендовать на исключительный социальный и политический статус на фоне других тюркских народов. Попытки создать на фоне этого мифа движущий вектор развития этнической идентификации отчасти были успешны. Однако усложняло этот процесс существование крымских татар на территории Крыма в качестве диаспоры, в которой набирает силу и значимость фактор «принадлежности к исламу в качестве ключевого фактора этнической идентификации» (Кульпин, 2013, с. 92).

Два фактора - миф о происхождении Крымского ханства и принадлежность к мусульманской религии – становятся движущей силой, определяющей самоидентификацию крымских татар после возвращения на историческую родину. Базой для самоидентификации является культурное наследие, его возрождение и сохранение.

Особое значение в вопросе восстановления культурного наследия имеют памятные даты, которые связаны с культурными достижениями крымских татар, а также их национальными деятелями культуры. По большому счету, речь идет о днях рождения писателей и художников - Сеитумера Эмина, Нузета Умерова, Джевдета Тахтарова (Беялова, 2013, с. 9).

Кроме этого, весомое значение принадлежит дням, связанным с общетюркской исторической памятью. Например, 25 марта – день рождения турецкого путешественника Эвлии Челеби или 15 февраля – день рождения татарского поэта и Героя Советского Союза Мусы Джалиля (Беялова, 2013, с.7-12). Это подчеркивает осознание крымско-татарским этносом себя как составляющего элемента общетюркской культуры. Большое количество памятных дат указывает на стремление не просто восстановить культурную память, но подчеркнуть уникальность крымско-татарской культуры, которая является фундаментом воссоздания этнической идентичности в новых условиях «пострепатриационного» этапа. Тем не менее, признание своей культурной принадлежности к тюркскому миру, совместно с исламской религиозной самоидентификацией делают этническую идентификацию крымских татар сегодня по большей мере размытой.

16 марта 2014 года народный референдум жителей Крыма проголосовал за присоединение республики в состав Российской Федерации, что и было официально

закреплено 18 марта¹. По данным исследований, у жителей Крыма «сильна местная самоидентификация – со своим регионом (35%) и городом/районом (16%), а уже потом со всей страной» (Рувинский, 2018). Однако для «малых» народностей (татары, греки, болгары), которые «обостренно переживают репрессивные вехи своей истории, именно фактор этничности становится основным критерием осознания принадлежности к социальной общности «своих» (в противовес «чужим» - представителям иной, особенно доминирующей, этнической группы) (Рувинский, 2018). Поэтому эти этносы осознают себя в первую очередь представителями национальных меньшинств, а уже во вторую - жителями Крыма, и только в третью – гражданами РФ. При этом они отличаются высокой лояльностью федеральной российской власти и рассчитывают на реализацию политики поддержки многонациональности в Крыму (ИА ТАСС, 2018). Иными словами, идентичность населения полуострова имеет несколько уровней:

- базовый представлен этнической идентичностью (русские, украинцы, крымские татары и др.);
- региональная идентичность («Я — крымчанин»);
- после воссоединения с Россией набирает силу российская гражданская идентичность («Я — житель России», «Я — россиянин») (Гапизов, 2021, с.205).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Самым крупным национальным сообществом в Крыму сегодня являются крымские татары, у которых наглядно просматривается приоритет этнического фактора над общегражданским. Присоединение к РФ лидерами Меджлиса крымско-татарского народа первоначально было воспринято негативно. Главную роль в этом процессе сыграло осознание своей особой исторической судьбы, что, по их мнению, вызывало враждебность окружения с иной, чуждой ей, религиозно-культурной принадлежностью.

По причине антироссийской позиции и лояльности украинской власти в апреле 2016 г. деятельность Меджлиса крымско-татарского народа на территории РФ была запрещена Верховным судом Крыма. Вместо Меджлиса начало действовать движение «Къырым» («Крым»), «Крымские татары - опора Крыма», «Къырым бирлиги» («Единство Крыма»). Кроме того, создаются институты для регулирования мониторинга состояния межнациональных отношений с целью «предупреждения возникновения очагов дестабилизации на почве обострения межэтнических противоречий» (Ерохина, 2016). Создан и целый ряд структур, основными целями работы которых выступают этнокультурное развитие крымских народов и согласование межнациональных интересов: «Дом дружбы народов», государственное автономное учреждение «Медиа-центр им. Исмала Гаспринского», «Центр информационных и социальных технологий развития

¹ С 1 декабря 1991 года территория современной Республики Крым входила в состав Украины.

межнациональных коммуникаций в Республике Крым» и «Севастопольский городской национальный культурный центр» (Ерохина, 2016).

Таким образом, для населения Крыма в целом характерна склонность к доминированию региональной идентичности, осознание своей «особенности», которую необходимо сохранить в первую очередь посредством возрождения культурной памяти, устоявшегося уклада жизни и уникального культурного наследия. Крымские татары открыто признают, что не имеют иной исторической родины, кроме Крыма и не отождествляют себя с татарскими сообществами, проживающими в других российских регионах.

Таким образом, можно говорить о том, что самоидентификация крымских татар может быть охарактеризована как целостная, включающая в свою историческую память элементы как прошлого и настоящего, так и будущего. После многолетнего нахождения вне родных земель и последующее возвращение в Крым, коллективное сознание было подвергнуто некоторой трансформации. В первую очередь, это связано с тем, что прошлое в картине этноса теперь связано не с родиной и могущественным прошлым, а с тяжелым периодом депортации и большими потерями. В то же время, настоящее выражается в попытках возродить былую культуру, использовать культурное наследие для утверждения своей уникальности и в то же время встраивания в пространство гражданской российской идентичности.

Главная задача интеграции крымского общества в российское социально-политическое и социально-экономическое пространства – «не допустить политизации этнического фактора. Взвешенная политика достижения межэтнического и межконфессионального согласия должна работать на достижение цели выстраивания российской гражданско-политической идентичности с сохранением этнокультурного многообразия на полуострове (Гапизов, 2021, с.203).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аллахвердиев, К. (2015). Национальная идея и национальная идеология в контексте устойчивости этнокультурной идентичности. *Центральная Азия и Кавказ*, 18, 3-4, 36-47.
- Бекирова, Г.Т. (2008). *Крымские татары. 1941-1991. (Опыт политической истории)*. Симферополь: Тезис, 479 с.
- Белялова, Д. (2013). *Календарь знаменательных и памятных дат крымскотатарского народа. 2014 г.* Симферополь: КРП Издательство «Крымучпедгиз», 51 с.
- Вельцер, Х. (2005). История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы. *Память о войне 60 лет спустя. Россия, Германия, Европа*. Москва: Новое литературное обозрение, 780 с.
- Гапизов, З.Р. (2021). Цивилизационный идентитет населения Крыма как фактор интеграции в российское пространство. *Государственное управление. Электронный вестник*, 85, 189-210.

- Гаспринский, И. (2017). Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. *ИНТЕЛПРОС - Интеллектуальная Россия: электронный журнал*. Получено из: <http://intelros.ru/index.php?newsid=200>
- Гаспринский, И. (1881). *Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина*. Симферополь: Тип. Спиро, 45 с.
- Ерохина, О. (2016). Проблемы крымчан: самоидентификация, адаптация, межэтнические отношения. *Наука. Общество. Оборона*, 2(7). Получено из: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2016-2-7/article-0066/>
- Рувинский, В. (2018). Крым как российский фронт. *Ведомости*. Получено из: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/08/28/779271-krim-frontir>
- Кульпин, Э.С. (2013). Крымские татары: эволюция самоидентификации. *Историческая психология и социология истории*, 2, 86-94.
- Кульпин, Э.С. (2013). Национальные цели крымских татар. *Вопросы развития Крыма. Серия «Крымское региональное сообщество: генезис, современное состояние, перспективы»*, 16, 331-333.
- Постановление ГКО № 5859сс. О крымских татарах. Москва, Кремль. От 11 мая 1944 г.. ГАРФ, ф. Р-9401, оп. 2, д. 65, л.
- Протасеня, Е.А. (2016). Историческая память как фактор формирования этнической идентичности. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, 2(42), 175–180.
- Новый Крым: спецпроект ТАСС. Получено из: <http://tass.ru/spec/crimea-multinational>
- Сейтхалилова, Л. (2019). Этногенез крымских татар. Реинтерпретация истории. *Крымское историческое обозрение*, 1, 18-44.
- Сластникова, Л.А. (2019). Этнокультурная идентификация крымских татар в начале XXI века. Получено из: https://ethnomuseum.ru/files/PDF/19_Etno_chtenia/
- Смит, Э. (2004). *Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма*. Москва: Праксис, 464 с.
- Тощенко, Ж.Т. (2000). Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния. *Новая и новейшая история*, 4, 3-14.
- Хлыщева, Е.В. (2023). Специфика культурной политики стран Прикаспия: сравнительный анализ. *Верхневолжский филологический вестник*, 3, 213-221.
- Червонная, С.М. (1997). Крымско-татарское национальное движение (1994–1996). *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*, 10, 3–28.
- Шпет, Г.Г. (1996). *Введение в этническую психологию*. Санкт-Петербург: Алетеия, 376 с.
- Юнусова, Л. (2002). Шамиль Алядин (краткий обзор жизни и творчества). *Крымскотатарская литература: сборник произведений фольклора и литературы VIII - XX вв.* Симферополь: Доля, 300–304.
- Fisher, A.W. (1978). *The Crimean Tatars*. Stanford, California: Hoover Institution press, 264 p.
- Williams, B.G. (2001). *The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation*. Leiden: E. J. Brill, 520 p.

Williams, B. G. (2002). The Hidden Ethnic Cleansing of Muslims in the Soviet Union: The Exile and Repatriation of the Crimean Tatars. *Journal of Contemporary History*, 37, 3, 323-347.

Для цитирования: Хлыщёва, Е.В., Султыева, Л.Р. (2023). Особенности формирования идентичности крымских татар в контексте современных проблем. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 3(4), 11-23.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_4_11

REFERENCES

- Allahverdiev, K. (2015). National idea and national ideology in the context of the stability of ethnocultural identity. *Central Asia and the Caucasus*, 18, 3-4, 36-47. (in Russian)
- Bekirova, G.T. (2008). *Crimean Tatars. 1941-1991. (Experience in Political History)*. Simferopol: Thesis, 479 p. (in Russian)
- Belyalova, D. (2013). *Calendar of significant and memorable dates of the Crimean Tatar people. 2014*. Simferopol: KRP Publishing House "Krymuchpedgiz", 51 p. (in Russian)
- Welzer, H. (2005). History, memory and modernity of the past. Memory as an arena of political struggle. *Memory of the war 60 years later. Russia, Germany, Europe*. Moscow: New Literary Review, 780 p. (in Russian)
- Gapizov, Z.R. (2021). Civilizational identity of the population of Crimea as a factor of integration into the Russian space. *Public administration. Electronic Bulletin*, 85, 189-210. (in Russian)
- Gasprinsky, I. (2017). Russian Islam. Thoughts, notes and observations. *INTELROS - Intellectual Russia: electronic magazine*. Retrieved from <http://intelros.ru/index.php?newsid=200> (in Russian)
- Gasprinsky, I. (1881). *Russian Islam: Thoughts, notes and observations of a Muslim*. Simferopol: Type. Spiro, 45 p. (in Russian)
- Erokhina, O. (2016). Problems of Crimeans: self-identification, adaptation, interethnic relations. *Science. Society. Defense*, 2(7). Retrieved from <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2016-2-7/article-0066/> (in Russian)
- Ruvinsky, V. (2018). *Crimea is like a Russian frontier*. *Gazette*. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/08/28/779271-krim-frontir> (in Russian)
- Kulpin, E.S. (2013). Crimean Tatars: the evolution of self-identification. *Historical psychology and sociology of history*, 2, 86-94. (in Russian)
- Kulpin, E.S. (2013). National goals of the Crimean Tatars. *Issues of development of Crimea. Series "Crimean regional community: genesis, current state, prospects"*, 16, 331-333. (in Russian)
- GKO Resolution No. 5859ss. About the Crimean Tatars. Moscow Kremlin. From May 11, 1944. GARF, f. R-9401, op. 2, d. 65, l. (in Russian)

- Protasenya, E.A. (2016). Historical memory as a factor in the formation of ethnic identity. *Bulletin of Nizhny Novgorod Lobachevsky University. Series: Social Sciences*, 2(42), 175–180. (in Russian)
- New Crimea: TASS special project. Retrieved from <http://tass.ru/spec/crimea-multinational> (in Russian)
- Seithalilova, L. (2019). Ethnogenesis of the Crimean Tatars. Reinterpretation of history. *Crimean Historical Review*, 1, 18-44. (in Russian)
- Slastnikova, L.A. (2019). *Ethnocultural identification of the Crimean Tatars at the beginning of the 21st century*. Retrieved from https://ethnomuseum.ru/files/PDF/19_Etno_chtenia/ (in Russian)
- Smith, E. (2004). *Nationalism and Modernism: A Critical Review of Contemporary Theories of Nations and Nationalism*. Moscow: Praxis, 464 p. (in Russian)
- Toshchenko, Zh.T. (2000). Historical consciousness and historical memory: analysis of the current state. *New and Contemporary History*, 4, 3-14. (in Russian)
- Khlysheva, E.V. (2023). Specifics of cultural policy of the Caspian countries: comparative analysis. *Verkhnevolzhsky Philological Bulletin*, 3, 213-221. (in Russian)
- Chervonnaya, S.M. (1997). Crimean Tatar national movement (1994–1996). *Studies in Applied and Emergency Ethnology*, 10, 3–28. (in Russian)
- Shpet, G.G. (1996). *Introduction to ethnic psychology*. St. Petersburg: Aletheia, 376 p. (in Russian)
- Yunusova, L. (2002). Shamil Alyadin (brief overview of life and work). *Crimean Tatar literature: a collection of works of folklore and literature of the 8th - 20th centuries*. Simferopol: Share, 300–304. (in Russian)
- Fisher, A.W. (1978). *The Crimean Tatars*. Stanford, California: Hoover Institution press, 264 p.
- Williams, B.G. (2001). *The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation*. Leiden: E. J. Brill, 520 p.
- Williams, B. G. (2002). The Hidden Ethnic Cleansing of Muslims in the Soviet Union: The Exile and Repatriation of the Crimean Tatars. *Journal of Contemporary History*, 37, 3, 323-347.

For citation: Khlyshcheva, E.V. & Sultieva, L.R. (2023). Peculiarities of Crimean Tatar Identity Formation in the Context of Modern Problems. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 3(4), 11-23.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_4_11